

*Инета Балоде
(Рига, Латвия)*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ КЁНИГСБЕРГОМ И СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ В XVIII СТОЛЕТИИ

Анализируется кёнигсбергский контекст деятельности представителей Просвещения XVIII века в Прибалтике – Иоганна Готхельфа Линднера и Якоба Ланге, дается общий обзор их лингвистических трудов. Устанавливается, что Просвещение в Прибалтике имело различные по целям и формам модификации. Доказывается, что при составлении немецко-латышских и латышско-немецких словарей оба автора адресуют свои работы немецким переселенцам, однако Линднер обращается к сугубо немецкоязычному адресату, тогда как работы Ланге требуют от читателя знаний латышского языка и латышского крестьянского быта.

Ключевые слова: Кёнигсберг, история языка, сравнительная лексикография, эпоха Просвещения.

1. Введение. Контекст и постановка вопроса

Вторая половина XVIII века была необычайно активным и продуктивным периодом развития Балтийского региона, особенно территорий современной Латвии и Эстонии. Духовная жизнь, стремление исследовать и описывать мир имеют «множество параллелей в древнем мире и за его пределами» [2, S. 166]. Эта деятельность возникла во многом благодаря взаимосвязям с Восточной Пруссией и Кёнигсбергом.

В своей статье я хотела бы показать, как связана с Кёнигсбергом деятельность двух представителей Просвещения XVIII века в Прибалтике — Иоганна Готхельфа Линднера и Якоба Ланге — и кратко представить их лингвистические работы. Линднер составил словарь немецкого словоупотребления в Прибалтике, Ланге — двуязычный немецко-латышский и латышско-немецкий словарь, получивший название *Лексикон*. Эти лексикографические труды различаются как своими целями, так и способом лексикографического описания. Объединяет оба словаря то, что их целевой группой был немецкий читатель, которого они пытались просветить в языковом отношении. Но каким образом?

При ответе на этот вопрос я придерживаюсь гипотезы, что обоих авторов подвигнул к лингвистическим трудам исходивший из Кёнигсберга дух Просвещения, но их жизнь, интересы и направление духовных поисков привели к разным результатам. Как труды, так и жизненный путь и сфера деятельности этих двух авторов являют собой очевидные примеры того, что Просвещение в Прибалтике даже в одной лишь сфере лингвистической деятельности имело различные по целям и формам модификации.

2. Балтийское Просвещение: Кёнигсберг как связующий узел между Прибалтикой и немецкими землями

2.1. *Взаимосвязи между Восточной Пруссией и Прибалтикой во второй половине XVIII века*

Следствием геополитического положения Кёнигсберга было то, что большинство поездок в немецкие земли или из них в Прибалтику проходило через этот город. Путешественники собирали впечатления, заводили знакомства и обменивались опытом. Здесь можно вспомнить о поездке Софии Шварц, описанной в «Письмах курляндки во время путешествия по Германии» (Берлин, 1791). Многие балтийские немцы, особенно из Курляндии, выбирали Кёнигсбергский университет в качестве места обучения.

Прибалтика, главным образом Курляндия, представляла собой в XVIII веке область, куда эмигрировали многие жители Восточной Пруссии. В первую очередь речь шла о ремесленниках, большинство которых оседали в Курляндии, но иногда и в Риге.

Более важную роль для Просвещения в Прибалтике играла вторая группа переселенцев (временных) – ученые. Можно вспомнить здесь об Иоганне Георге Гамане – редакторе газеты «Литовские новости о государственных, научных и региональных делах» – и издателе из Митавы²/Риги³ Иоганне Фридрихе Харткнохе, которые вместе с Иоганном Готфридом Гердером⁴ и многими другими оказали значительное культурное влияние на духовную жизнь в Прибалтике. Иммануилу Канту также предлагали в 1775 году преподавать в Academia Petrina в Митаве – «его младший брат Иоганн Генрих был тогда проректором, а позже ректором Большой городской школы в Митаве» [8, S. 122], но Кант отказался.

Взаимосвязи с Кёнигсбергом проявлялись и в других формах, например через книгопечатание, при этом большое значение имели личные знакомства и связи. *Лексикон* Ланге тоже вначале был передан издателю в Кёнигсберге, но этот проект, к сожалению, не удался. Однако многие произведения прибалтийских авторов были напечатаны в Кёнигсберге, например сочинение естествоиспытателя Якоба Бенъямина Фишера (он принадлежал к кругу знакомых Ланге) «Опыт естественной истории Лифляндии» (1791) – первое описание природы Лифляндии [9, S. 196]. Произведения кёнигсбергских ученых, в свою очередь, издавались в Прибалтике. Самым известным примером можно назвать, вероятно, «Критику чистого разума» Иммануила Канта (издана в 1781 году Харткнохом в Риге), до сих пор не потерявшую своего значения для духовно-культурного прогресса в Балтийском регионе.

2.2. Круг деятелей Просвещения в Прибалтике

Научные контакты принадлежат к межрегиональным духовным связям, при этом частные лица выполняют функцию своего рода узлов в разветвленной системе. Дружеский круг общения и объединение в

² Старое название Елгавы. – *Прим. переводчика.*

³ «В 1763 году Харткнох открыл книжный магазин в Митаве, в 1764 году – в Риге, сначала как филиалы Кантера в Кёнигсберге. Вскоре он обрел самостоятельность и основал собственное издательство. В нем были опубликованы "Основные труды Канта и Гердера"» [8, S. 125].

⁴ Иоганн Готхельф Линднер был человеком, позвавшим Гердера «по рекомендации отца Гамана» в рижскую соборную школу [8, S. 124].

различные группы играли большую роль в Просвещении в Прибалтике. Индрек Юрио называет две такие группы в XVIII веке: круг Беренса – Гердера в Риге, к которому принадлежали вышеупомянутые Гаман, Харткнох, Гердер, а также Линднер; и Дерптский круг (Замен и Гаденбуш) [4, S. 71]. Клаус Гарбер [2, S. 168] упоминает четыре культурных и духовных центра: Дерпт⁵, Ригу, Митаву и Ревель⁶. Расходились эти кружки в направлении духовной мысли: одни были «в большей степени связаны с образованной Западной Европой» и «космополитизмом», другие «отдавали должное отношениям внутри Лифляндии» [4, S. 71 – 72]. Различали их и конкретные межличностные взаимосвязи, и отношение к Просвещению. Это будет заметно также в деятельности Линднера и Ланге.

2.3. Кёнигсбергское влияние на лингвистические труды

Немецкие лингвистические труды в Прибалтике начинаются с Линднера и его собрания региональных вариантов немецко-балтийского словарного запаса. Как минимум две причины его деятельности необходимо принять во внимание: вдохновленное духом Просвещения описание окружающего мира и немецкий академический лингвистический дискурс того времени, в котором значительное внимание уделялось теме «Происхождение и своеобразие языка». Возникает большое количество одноименных трудов: например, в 1745 году в Кёнигсберге появляется работа Филиппа Руига «Наблюдения о литовском языке, его происхождении, сущности и характеристиках, основанные на множестве трудов и на собственном опыте, написанные с прилежанием и отданные в печать для зрелой оценки ученых».

Сходными мотивами руководствовались и издатели двуязычных словарей, в том числе Якоб Ланге, чье намерение создать полный немецко-латышский и латышско-немецкий *Лексикон* приходится как раз на 1740-е годы, когда Филипп Руиг публикует похожее сочинение в Кёнигсберге: «Литовско-немецкий и немецко-литовский лексикон» (1747). Двух упомянутых авторов связывает как минимум одна общая черта – оба они учились в кёнигсбергской Альбертине, в которой с 1718 года существовал литовский семинар.

⁵ Название Тарту в 1224 – 1893 годах. – *Прим. переводчика.*

⁶ Таллин. – *Прим. переводчика.*

3. Краткие биографии ученых

3.1. Иоганн Готхельф Линднер (1729–1776)

И. Г. Линднер, сын пастора из Задней Померании, изучал в Кёнигсбергском университете теологию и философию, в 1750 году ему была присвоена степень магистра. В 1753 году он получил место учителя в соборной школе в Риге, а позже стал ее ректором (1755–1765). Но в 1765 году он возвращается в Кёнигсбергский университет на должность ординарного профессора поэтического искусства [9, S. 190], а в 1773-м защищает диссертацию и становится доктором теологии. Деятельность Линднера в качестве ученого была тесно связана с Немецким обществом Кёнигсберга. Он был его «центральной фигурой» и принимал активное участие в составлении Прусского словаря 1785 года [3, S. 97]. К его социальному кругу принадлежали кёнигсбергские и рижские ученые и просветители: Иоганн Георг Гаман, Теодор Готтлиб фон Гиппель и Иммануил Кант.

Рижский период жизни был продуктивным для Линднера. Он опубликовал поэтические сочинения, писал школьные драмы, произведения вроде «Указаний для правильного стиля письма в целом и для красноречия в особенности», изданных в Кёнигсберге в 1755 году. Но уже ранее, до рижского периода, Линднер принимал участие в деятельности Немецкого общества в Кёнигсберге. В возрасте 15 лет (в 1744 году) он опубликовал в Кёнигсберге «Известие для публики о здешнем Королевском немецком обществе» [1, S. 97].

Так что Линднеру были известны основные сферы интересов кёнигсбергского общества, такие как «Теория картины мира в языке» и «Формирование немецкого литературного языка, общее значение и особенности национального языка в сравнении с межрегиональным языком науки и официальной речи, а также с региональными языковыми вариантами» [там же, S. 91]. В Ригу он прибыл научно подкованным, в Кёнигсберг вернулся с новым опытом, во всяком случае в области языка. В его поздних трудах можно встретить единичные упоминания об употреблении немецкого языка в Прибалтике⁷; рассматривается и вопрос о регионализмах, которым он начал заниматься уже в Риге (в 1762 году)⁸.

⁷ «Das Gesinde hat in Chur= und Liefland einen Plural die Gesinder d.i. Bauernhäuser» [7, T. 1, S. 770].

⁸ В § 5 2-го тома работы Линднера «Краткое руководство по эстетике, ораторскому и поэтическому искусству» [7, T. 2, S. 29 ff.].

3.2. Якоб Ланге (1711 – 1777)

Якоб Ланге родился в 1711 году в уважаемой кёнигсбергской семье: его отец Михаэль Ланге был королевским маклером (эта должность была связана с подписанием торговых договоров), его мать Барбара Моллерент происходила из хорошей семьи. Первоначальное образование Якоб Ланге получил во Фридрихской коллегии (Collegium Fridericianum). За этим последовало изучение теологии в Альбертине (1727–1731). Сразу после этого он приступил к преподаванию во Фридрихсколлегиуме, одновременно изучая литовский язык на Литовском семинаре Кёнигсбергского университета.

Следующие этапы жизненного пути Ланге представляют собой историю туманную и загадочную. Не ясны ни побудительные причины его действий, ни его связи. Известно, что в 1731 году он сопровождал в Данциг неизвестное лицо, оттуда отправился в Берлин, где встретился с Даниэлем Яблонским, а затем снова в Польшу с целью содействовать сближению конфессий; оттуда в Вильнюс и Каунас, где встречался с членами еврейских общин. В его родном городе эти инициативы были восприняты неодобрительно и сделали его неуютной персоной. Это заставило Ланге переехать в 1732 году в Петербург, где он до 1736 года активно взаимодействовал с немецкой общиной.

В дальнейшем большую роль в его жизни сыграли знакомства с прибалтийскими немцами в Петербурге. Он был приглашен в Лифляндию и в 1736 году занял там вакантное место пастора, предложенное ему Фридрихом Бернардом Блауфуссом (пастором в Эрмесе/Эргеме). Поскольку деятельность в латвийских общинах предполагала знание языка, Ланге вскоре выучил латышский язык (в этом ему помогали знания литовского) и сдал экзамен на знание языка в рижской консистории. После этого он стал пастором в латышской общине в Вольфарте (Эвеле), а с 1745 года – в Смиттене. С 1771 года до конца жизни (он умер в 1777 году) Ланге был суперинтендантом в Лифляндии.

4. Характерные признаки лексикографических трудов Линднера и Ланге

4.1. «Лексикон» Якоба Ланге

Словарь Ланге состоит из двух частей: немецко-латышской и латышско-немецкой. Обе части содержат примерно 25 000 слов. В большинстве случаев структура словаря простая: словарное слово и его эк-

вивалент на латышском или немецком языке. Но все же в нем встречаются и словарные статьи с более сложной структурой (подчиненные словарному слову языковые единицы) и/или случаи речевого употребления, включая объяснения словарного слова или эквивалента, например:

1. Производится попытка точно дифференцировать обозначенный объект; при этом, очевидно, важную роль играли наблюдения над крестьянским бытом:

<i>Nadel...</i>	<i>Netz...</i>	<i>Naht...</i>
= <i>Knütnadel...</i>	<i>Krebsnetz...</i>	= <i>grobe, wie am Segeltuch...</i>
= <i>Nehnnadel...</i>	= <i>feinäugigtes...</i>	= <i>Doppelnah...</i>
= <i>Packnadel...</i>	= <i>großäugigtes...</i>	
= <i>Stecknadel...</i>		

2. Эта точность приводит к тому, что в словарь включаются языковые единицы, немецкое название которых автору неизвестно, поэтому немецкое словарное слово заменяется описанием значения. Подобный метод применяется в латышско-немецкой части словаря при отсутствии точного немецкого эквивалента. Ср.:

Netzbeutel...
 = *Flügel...*
 = *Gabel, darauf sie zum trocknengespannet werden...*
 = *Haaken, um sie unters Eis zu bringen...*
 = *Flothölzer...*
 = *Senkstein...*
 = *Tau...*
 = *Wuhne, wo das Netz ausgezogen wird...*

uppes Lauks,
ein durch Ueberschwemmung
angelegtes Land, so man
nachher pflüget.

Urbe
ein durchbohrter den Hunden
an Hals gebundener Kieppel.

3. Иногда Ланге комментирует словарные единицы, распространяя, таким образом, знание о мире:

Name...
 = Beiname...
 = Ekelname...
 = Schimpfname...
 = Taufname...
 = Zuname, NB. den hat der Lette von seinem
 Gesinde, so daß dieses zu erst, und dann der
 Taufname stehet, z. B. kaiza Ansis = ohne Name

Nordlicht...
 = scheint... weil allsdenn, nach der Lettische(n)
 Überlieferung ein Drache streiten soll; ich weiß
 nicht: mit wem?

4. Также он прибегает к сравнениям с литовским языком:

*Unguris ein Unger, andern: ein Klepper, in Lith. ein Aal
 uskurreis ein also Eingefreyter. (Lith.) der zweyte Ehemann
 Ustupis (*) ein Hahnrey, (in Lith.) der dritte Ehemann.*

Должны были эти сравнения продемонстрировать языковую компетентность автора или предназначались именно для прибывших из района Кёнигсберга переселенцев, обращая их внимание на так называемых «ложных друзей переводчика», пока не ясно.

Фрагментарный взгляд на «Лексикон» показывает, что во многих случаях латышские словарные единицы, обозначающие крестьянский быт, составили базу для списка немецких словарных слов. Это отчетливо видно на примере словоформ и отсутствующих немецких эквивалентов. Не в последнюю очередь и сам автор подтверждает, что его целью было составить «полный и проверенный словарь латышского языка»: «Я неотступно наблюдал... за губами латышей» [5, S. VI].

4.2. Словарь Линднера

Немецкий словарь Линднера был включен в его работу о языке и должен был представить региональные особенности немецкого словоупотребления в Прибалтике (в области немецко-латышских контактов). Его «Указатель» содержит 224 словарных слова, которые «хорошо знакомы обычному человеку, но путешественники или носители языка других местностей могут легко сопоставить их друг с другом» [6, S. 220]. Так что Линднер в первую очередь старается сделать понятными балтийские идиомы. Поэтому значение лексем поясняется:

Heuschlag... bedeutet eigentlich eine zum Heu nutzbare Wiese, das man, wie man hier spricht, schlägt, nicht mähet. Mähen ist auch an sich ein allgemeines Wort, mehr bey Getreide als bey Gras zu brauchen.

Kessel heißt hier ein Netz, worinn man Fische trägt.

Pyroggen, eine Art rußischer Kuchen in Oel oder Butter gesotten, und mit Fisch oder Fleisch gefüllt, wie kleine Pasteten.

Так же, как Ланге, он, вероятно, ставит себе целью удовлетворить потребности переселенцев из Восточной Пруссии; демонстрируя языковую компетентность, Линднер производит сравнения с восточно-пруссским словоупотреблением, например:

Bähne, in Deutschland mehrentheils Boden, eigentlich Dachboden; in Preußen die Lucht.

Borkanen, draussen Mohrrüben, in Preußen gelbe Möhren.

Fleder heißen hier Hollunder, und was in Preußen spanisch Fleder, heißt hier Cyrenen.

Kuje ist ein großes Maaß aufgestapelt Heu, ein Schober, Stock, kleinere heissen in Preußen Kucksen, hier aber Gubben.

Сравнение с латышским языком встречается редко, в основном там, где речь идет о происхождении лексемы, например:

Ausch, so viel als närrisch, wild, aus dem Lettischen oder hier so genannten Un-deutschen.

Kullit, eine Tasche, ist lettisch.

Luppat, Läppchen um den Finger, ist lettisch.

Skutke, eine junge Dirne, zur Verachtung mehrentheils gesagt, ist lettisch, einer Herstammung mit

Skujen.

Библиографический список, приводимый Линднером, включает труды, созданные вне Прибалтики, такие как:

Michael Richey „Idioticon Hamburgense oder Wörter-Buch zur Erklärung der eigenen, in und um Hamburg gebräuchlichen Nieder-Sächsischen Mund-Art“ (1743, zweite Auflage 1755);

Johann Siegmund Popowitsch „Untersuchungen vom Meere: die auf Veranlassung einer Schrift, De Columnis Herculis, welche der hochberühmte Professor in Altorf, Herr Christ. Gottl. Schwarz, herausgegeben, nebst andern zu derselben gehörigen Anmerkungen, von einem Liebhaber der Naturlehre und der Philologie, vorgetragen werden“ (1750);

Johann George Bock „Idioticon Prussicum: oder Entwurf eines Preußischen Wörterbuches: darin die deutsche Redensarten und Ausdrücke die allein in hiesigem Lande gebräuchlich sind, zusammengetragen und erörtert werden sollen“ (1759).

Задачей Линднера было интегрировать языковое употребление в Прибалтике в общенемецкие лингвистические исследования и в курс немецких обществ: «Я вношу скромный вклад в дело, начатое Рихеем, Поповичем и другими учеными» [6, S. 219]. Роли ненемецких элементов в немецком языковом употреблении он касается лишь вскользь.

5. Выводы

Взаимосвязь между обоими лексикографическими трудами проявляется в общем словарном составе: 21 % словарных слов, приведенных Линднером и призванных продемонстрировать региональное немецкое словоупотребление (48 лексем из 224), встречается и у Ланге. Так что, не заявляя о подобном намерении, Ланге включает в свой «Лексикон» регионализмы. Осознанно или неосознанно, но он ориентируется на немецкое словоупотребление в Прибалтике. Этим языковая общность обоих трудов и ограничивается: Линднер концентрирует внимание на элементах балтийского варианта немецкого языка, подчеркивая его сходство с другими региональными вариантами и оставляя на заднем плане роль контактирующих с ним языков; для Ланге в центре внимания оказывается латышский язык, при этом немецкий язык часто исполняет объяснительную, метаязыковую функцию. Было ли намерением обоих авторов угодить переселенцам (особенно пасторам) из Восточной Пруссии (сравнения с прусским у Линднера, сравнения с литовским у Ланге), предстоит еще выяснить, изучив в их трудах дальнейшие языковые индикаторы.

Что объединяет и что различает обоих авторов с точки зрения контекста их работ? Очевидна общая склонность к собиранию и описанию — в данном случае в сфере словарного запаса — в просвещенческом смысле. Оба автора адресуют свои работы немецким переселенцам. Но релевантность контактного языка — латышского, — в первом случае едва намеченная, а во втором доминирующая, свидетельствует о совершенно различной направленности их просветительской работы.

Линднер обращается к адресату, вращающемуся исключительно в немецкоязычных кругах; Ланге, напротив, моделирует ситуации, в которых необходимы знания латышского языка и латышского крестьянского быта. Тем самым оба автора невольно вписываются в схему двух прибалтийских просвещенческих кругов, кратко представленную выше. Оба автора находятся под влиянием опыта, полученного в Кёнигсберге, но их индивидуальные судьбы и, возможно, первоначальные личные амбиции в значительной мере повлияли на цели и результаты их лингвистических трудов.

Список литературы

1. *Fricke C.* Die Deutschen Gesellschaften des 18. Jahrhunderts – ein Forschungsdesiderat // K.D. Dutz (Hg.). Sprachwissenschaft im 18. Jahrhundert. Fallstudien und Überblicke. Münster, 1993.
2. *Garber K.* Die deutsch-baltische Literatur der Frühen Neuzeit im Spiegel von Gelehrten und Sammlern, Archiven und Bibliotheken des 18. Jahrhunderts // U. Kronauer (Hrsg.). Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten. Heidelberg, 2011.
3. *Garber K.* Das alte Königsberg. Erinnerungsbuch einer untergegangenen Stadt. Wien, 2008.
4. *Jürjo I.* Aufklärung im Baltikum. Leben und Werk des livländischen Gelehrten August Wilhelm Hupel (1737–1819). Köln ; Weimar ; Wien, 2006 (= Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd 19. Hrsg. im Auftrag der Baltischen Historischen Kommission von Paul Kaegbein u. Gert von Pistohlkors).
5. *Lange J.* Vollständiges deutschlettisches und lettischdeutsches Lexicon, nach den Hauptdialecten in Lief = und Curland. Mitau, 1777.
6. *Lindner G.* Abhandlung von der Sprache überhaupt, und insbesondere eines Landes, nebst einer Sammlung einiger Liefländischer Provinzialwörter und Ausdrücke // M. Johann Gotthelf Lindner. Beitrag zu Schulhandlungen. Königsberg, 1762.
7. *Lindner J. G.* Kurzer Inbegriff der Aesthetik, Redekunst und Dichtkunst. Königsberg ; Leipzig, 1771–1772. 1. Teil 1771, 2. Teil 1772.
8. *Neander I.* Das geistige Kraftfeld Königsberg – Riga // M.H. Boehm, H. Weiß (Hrsg.): Heimat im Herzen. Wir Balten. Würzburg, 1986.
9. *Stradinš J.* Zinātnes un augstskolu sākotne Latvijā. Latvijas Vēstures institūta apgāds. Riga, 2009.

Пер. с немецкого А. Васкиневич

Anzhelika Vaskinevich

THE INTELLECTUAL INTERCONNECTIONS BETWEEN KÖNIGSBERG
AND THE BALTICS IN THE 19TH CENTURY

This article analyses the Königsberg context of the activities of 18th century enlighteners – Johann Gottfried Lindner and Jacob Lange – in the Baltics and offers an overview of their linguistic works. On the basis of the hypothesis about the influence of the Königsberg spirit of Enlightenment on the formation of Lindner's and Lange's linguistic activities, the author shows that, in the Baltics, the Enlightenment had several modifications differing in forms and objectives. It is demonstrated that, when compiling German-Latvian and Latvian-German dictionaries, both authors target their works at German settlers; however, Lindner's work is targeted solely at a German-speaking recipient, whereas that of Lange requires that the reader be acquainted with the Latvian language and Latvian peasant life-style.

Key words: Königsberg, history of language, comparative lexicography, Enlightenment.